

- ¹⁴ Яшерев В.В. В Сербии 1876–1877. Записки добровольца // Вестник Европы. – 1878. – Т. 133. – С. 187–225.
- ¹⁵ Хвостов А.Н. Русские и сербы в войну 1876 года. – СПб., 1877.
- ¹⁶ Бардадым В. Кубанские казаки // Герои Шипки. – М., 1979. – С. 737.
- ¹⁷ Мещерский В.П. Правда о Сербии. Письма. – СПб., 1877.
- ¹⁸ Максимов Н.В. Две войны. – СПб., 1879.
- ¹⁹ Марков Е. Путешествие по Сербии и Черногории. Путевые очерки. – СПб., 1903. – С. 30.
- ²⁰ Энциклопедический словарь... – С. 559, 560.
- ²¹ Мартынов Е.И. Сербы в войне с царем Фердинандом. Заметки очевидца. – М., 1913.
- ²² Более того, для изучения сербской этнографии данного периода имеются более информативные с содержательной точки зрения материалы, напр.: Сербы о русских, русские о сербах. Овсяный Н. Божич и Слава // Родина. – 2003. – № 10. – С. 59, 60; Кулаковский П.А. Праздник «Слава» у сербов // Русский вестник. – 1883. – № 167. – С. 329–357; Вейнберг Р.Л. Сербы и Сербия // Образование. – 1903. – № 8. – С. 22–28.
- ²³ О жанре путевых заметок см.: Тертыйный А.А. Записок путевых узор... // Журналист. – 2002. – № 9.
- ²⁴ О важности комплексного подхода в этнографических исследованиях см.: Бромлей Ю.В., Крюков М.В. Этнография... – С. 48; Анфертьев А.Н. Изучение и принципы этнической истории: некоторые методические принципы // Проблемы общей этнографии и музеефикации. – Л., 1987. – С. 5. Мыльников А.С. Об этнокультурном источниковедении // Историческая этнография. – СПб., 1993. – Вып. 4. – С. 13.
- ²⁵ Мартынов Е.И. Сербы в войне... – С. 19. Промышленниками в Сербии были преимущественно западноевропейские предприниматели. Помимо пахотной земли, сербские крестьяне могли владеть лесом, пастбищем (Прим. – А.М.).
- ²⁶ Хвостов А.Н. Русские и сербы... – С. 20. Справедливости ради, следует заметить, что сами сербы не считали налоговую политику «падающей». Налоги постоянно росли, особенно в послевоенное время. См.: Известия из славянских земель по газетам // Известия Санкт-петербургского славянского благотворительного общества. – 1886. – № 12. – С. 583.
- ²⁷ Ровинский П.А. Белград, его устройство... – С. 568, 569.
- ²⁸ Марков Е. Путешествие по Сербии... – С. 28, 50.
- ²⁹ Там же. – С. 60, 61, 117.
- ³⁰ Хвостов А.Н. Русские и сербы... – С. 19.
- ³¹ Яшерев В.В. В Сербии... – С. 201, 202.
- ³² Бломквист Е.Э. Крестьянские постройки восточных славян / Восточнославянский этнографический сборник. – М., 1956. – С. 42.
- ³³ Народы зарубежной Европы. Т. 1. – М., 1964. – С. 409, 410.
- ³⁴ Максимов Н.В. Две войны... – С. 33, 34.
- ³⁵ Марков Е. Путешествие по Сербии... – С. 120.
- ³⁶ Там же. – С. 140.
- ³⁷ Ровинский П.А. Воспоминания из путешествия... – С. 26.
- ³⁸ Бломквист Е.Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов / Восточнославянский этнографический сборник. – М., 1956. – С. 86; Народы зарубежной Европы... – С. 10. Реже в Сербии встречались каменные и срубные постройки.
- ³⁹ Хвостов А.Н. Русские и сербы... – С. 19.
- ⁴⁰ Марков Е. Путешествие по Сербии... – С. 60.
- ⁴¹ Яшерев В.В. В Сербии... – С. 201, 202.
- ⁴² Максимов Н.В. Две войны... – С. 33, 34.
- ⁴³ Марков Е. Путешествие по Сербии... – С. 64.
- ⁴⁴ Там же. – С. 144.
- ⁴⁵ Ровинский П.А. Сербская Моравы... – С. 538, 539.
- ⁴⁶ Яшерев В.В. В Сербии... – С. 201.
- ⁴⁷ Хвостов А.Н. Русские и сербы... – С. 19.
- ⁴⁸ Марков Е. Путешествие по Сербии... – С. 118.
- ⁴⁹ Ровинский П.А. Белград, его устройство... – С. 532, 533.
- ⁵⁰ Simić J. Srbi nisu složni povodom porekla šajkače // Вечерние новости. 20. oktobar 2013. URL: <http://www.novosti.rs/vesti/naslovna/reportaze/aktuelno.293.html:459683-Srbi-nisu-slozni-povodom-porekla-sajkace> (дата обращения 29.07.2014).
- ⁵¹ Ровинский П.А. Сербская Моравы... – С. 535.
- ⁵² Ровинский П.А. Воспоминания из путешествия... – С. 29.
- ⁵³ Марков Е. Путешествие по Сербии... – С. 152.
- ⁵⁴ Михайлова А.А. Роль иностранного и отечественного факторов в промышленной модернизации Сербии в XIX в. // Известия УрФУ. – Сер. 2. История. – 2014. – № 1. – С. 134.
- ⁵⁵ Яшерев В.В. В Сербии... – С. 203.
- ⁵⁶ Ровинский П.А. Сербская Моравы... – С. 542.
- ⁵⁷ Хвостов А.Н. Русские и сербы... – С. 16.
- ⁵⁸ Мещерский В.П. Правда о Сербии... – С. 220.
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ Марков Е. Путешествие по Сербии... – С. 120.
- ⁶¹ Хвостов А.Н. Русские и сербы... – С. 18.
- ⁶² Там же.
- ⁶³ Марков Е. Путешествие по Сербии... – С. 85, 119.
- ⁶⁴ Там же. – С. 9.
- ⁶⁵ Яшерев В.В. В Сербии... – С. 203.
- ⁶⁶ Максимов Н.В. Две войны... – С. 139.
- ⁶⁷ Мещерский В.П. Правда о Сербии... – С. 220, 221.
- ⁶⁸ Хвостов А.Н. Русские и сербы... – С. 17.
- ⁶⁹ Ровинский П.А. Сербская Моравы... – С. 542.
- ⁷⁰ Михайлова А.А. Семейная задруга у сербов // Феномен социализации в этнической культуре. Мат-лы 11-х Санкт-Петербургских этнограф. чтений. – СПб., 2012. – С. 167.
- ⁷¹ Мартынов Е.И. Сербы в войне... – С. 20.
- ⁷² Ровинский П.А. Сербская Моравы... – С. 539–551.
- ⁷³ Марков Е. Путешествие по Сербии... – С. 88.
- ⁷⁴ Там же.
- ⁷⁵ Ровинский П.А. Сербская Моравы... – С. 530.
- ⁷⁶ Там же. – С. 531.
- ⁷⁷ Анализ проблемы материального достатка сербских хозяйств в контексте понимания ее русскими путешественниками см.: Шемякин А.Л. Традиционное общество и вызовы модернизации... – С. 22.
- ⁷⁸ Максимов Н.В. Две войны... – С. 35.
- ⁷⁹ Ровинский П.А. Сербская Моравы... – С. 543.
- ⁸⁰ Хвостов А.Н. Русские и сербы... – С. 20.
- ⁸¹ Мартынов Е.И. Сербы в войне... – С. 21.
- ⁸² Мещерский В.П. Правда о Сербии... – С. 222.
- ⁸³ Марков Е. Путешествие по Сербии... – С. 50, 61.
- ⁸⁴ Хвостов А.Н. Русские и сербы... – С. 20.
- ⁸⁵ Карић В. Србија: опис земље, народа и државе. – Београд, 1887. – С. 588; Ристић Ј. Једно намесништво 1868–1872. – Београд, 1894. – С. 25, 26.
- ⁸⁶ Карић В. Србија: опис земље... – С. 616.

Антропоморфные маркеры границ этнической и локальной идентичности в севернорусской сельской традиции начала XX – начала XXI в.*

ЕЛЕНА ВАЛЕРЬЕВНА САМОЙЛОВА

Фольклорно-этнографический центр им. А.М. Мехнецова
Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н.А. Римского-Корсакова
Ведущий специалист по фольклору
e-mail: etnograd@mail.ru

Внимание автора статьи фокусируется на антропоморфных предметах – куклах, ростовых фигурах, обетных крестах, используемых женщинами в различных, в том числе ритуальных практиках. В севернорусской культурной традиции антропоморфные фигуры играют особую роль в построении социальных связей и в качестве предметных маркеров группы (этнической, локальной, гендерной). В работе учитывается морфологическая и функциональная спецификация подобных предметов. Особый интерес вызывают трансформации и перемещения антропоморфных предметов-маркеров под действием социальных, экономических и культурных факторов.

Ключевые слова: антропоморфные фигуры, куклы, гендерная группа, предметные маркеры группы.

UDC 392+688.72

Anthropomorphic Markers of the Boundaries of Ethnic and Local Identity in the North Russian Rural Tradition (the Beginning of XX – the Beginning of the XXI Centuries)

ELENA V. SAMOYLOVA

A.M. Mekhnetsov Center for Folklore and Ethnographic studies
of N.A. Rimsky-Korsakov St. Petersburg Conservatory
Leading Expert for Folk Arts

The attention of the author is focused on the anthropomorphous objects – dolls, growth figures, votive crosses, used by women in various practices, including rituals. In the North Russian cultural tradition anthropomorphous figures play a special role in creation of social communications that allows to consider them as subject markers of the group (ethnic, local, gender). The morphological and functional specification of objects is considered in the article. Transformations and movements of anthropomorphous objects occurring under the influence of social, economic and cultural factors are of the utmost concern.

Keywords: anthropomorphous figures, dolls, gender group, group subject markers.

Пожалуй, сложно сыскать в области традиционной культуры концепт, пользующийся большей популярностью у исследователей смежных дисциплин, чем концепт границы. Приведу небольшой перечень, не претендующий на полноту изложения (это самостоятельная задача, требующая отдельного исследования), но отражающий множественность сложившихся подходов: пороги и переходы¹, границы поселения

локальных групп и ареалы распространения элементов культуры², граница как категория³, границы половозрастной стратификации⁴, этноязыковые границы⁵, этноконфессиональные границы⁶, принципы выделения и обозначения временных периодов⁷, граница как место логической инверсии⁸, символические маркеры границ профессионального сообщества⁹ и пр. Эта статья служит продолжением направления,

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» (раздел 3 «Традиция, обычай, ритуал в истории и культуре», проект 3.19 «Гендер, возраст и родство в контексте ритуала»).

связанного с поиском предметных проекций границ социального поля¹⁰.

Территориальную проекцию социального пространства не всегда возможно представить в виде области с четко выраженными границами, в некоторых случаях ее контур весьма расплывчат. Затруднения возникают в случаях, когда можно выделить ядро (доминирование исследуемого признака) и точечные образования на периферии культурной практики. Так, антропоморфная символика, используемая участниками фольклорного коллектива из села Сумский Посад в качестве маркера «своего» (отличного от другого) пространства, транслируется по каналам родственных связей в направлении миграционных потоков конца XX – начала XXI в. (Беломорск, Петрозаводск, Кемь, Москва и т.д.). Практики ритуального почитания обетной святыни, в которых участвуют женщины одного селения, могут служить примером совпадения территориального и пространственного поля.

Поиск предметных проекций привлекает возможностью работы «на грани» – с областью пересечений элементов социального и материального порядка и способами конвертации социального (культурного) в поле материальной культуры. Внимание будет сконцентрировано на предметах, обладающих признаками антропоморфности¹¹. Поскольку природа символа поливалентна и реальное значение определяется логикой ритуала, исследовательские модели будут основываться на интерпретациях предметов, обусловленных повседневными и ритуальными практиками женщин в сельской севернорусской традиции.

Основой послужили полевые материалы, собранные автором в 2008–2012 гг. в Вологодской, Костромской, Архангельской областях и Республике Карелии¹², а также публикации отечественных и зарубежных исследователей конца XIX – начала XXI в.

В статье будут рассмотрены возможности дифференциации социального поля по морфологическим и функциональным признакам антропоморфных предметов. Поиск характерных отличий согласуется с законом «разделения и распределения», учреждающим группу и определяющим ее границы¹³. Начнем с морфологии.

Морфология

Типы конструкций антропоморфных фигурок представлены в работах С.В. Комаровой, И.А. Морозова, О.С. Найдена, Галины и Марии Дайн¹⁴, исследователи выделяют шитьевые и бесшитьевые куклы «скрутки», «узелковые», деревянные куклы с подвижными деталями, фигурки на основе растительных материалов, дерева,

костяные, глиняные и бумажные куклы. Но здесь возникает вопрос, всегда ли конструктивная модель может рассматриваться как отличительный признак, указывающий на принадлежность той или иной группе?

Действительно, в случаях с единичными находками игрушек из куриных костей или АФ, сделанной на основе птичьей головы, ошибиться сложно. Что касается перечисленных выше конструктивных типов, то они фиксируются практически повсеместно. Сложно сказать, что служит основанием для утверждения финно-угорской принадлежности «грудастых» или «зольных» кукол. Те же модели неоднократно встречаются в практиках восточных славян. Зола – удобный наполнитель для набивных конструкций, доступный на протяжении всего календарного года (в отличие от сезонных материалов растительного происхождения, глины, песка¹⁵).

А как быть с повсеместно распространенной куклой, напоминающей спеленатого младенца? Во время полевых выездов неоднократно обращала внимание, что при сходстве схемы (кукла-скрутка) наблюдаются различия в способе пеленания, обвязки, т.е. дифференциация происходит не по внутренним, часто неприметным глазу признакам (конструктивной основе), а по внешним: пропорциональности, облачению (характерным деталям одежды), способе укладки ткани, декору.

Подтверждением могут служить комментарии информантов. Одна из участниц мастер-класса по традиционной кукле не успевала изготовить костюм для куклы «карцеванка». Она обратилась к жительнице г. Шарьи (ведущей мастерскую) с просьбой раскрыть конструктивные особенности АФ: «Самое главное – основу [покажите], наряд сошьем дома»¹⁶. «Куклу не сложно, самое главное – наряд», – ответила та¹⁷. Аналогичный пример наблюдала во время диалога между мастером по традиционной кукле и сельской жительницей, делавшей куклу. Мастер не только не пыталась увидеть характерное и отличительное, но даже «навязывала» свои представления о внешнем облике куклы-скрутки: ткань, которую местная рукодельница долго приглаживала, добиваясь округлости формы, была расправлена, появились «растопыренные» ручки-рукава, т.е. были удалены именно те детали, которые позволяли раскрыть сложившиеся эстетические представления о пропорциональности, контуре формы; «чтобы была толстая <...>, чтобы она была кругленькая»¹⁸ и выявить локальную специфику АП. Возможно, подобные примеры фиксации полевого материала отчасти раскрывают загадку повального сходства АФ, тиражируемых центрами культуры.

Для изготовления кукол могли использовать предметы женских рукоделий (вышитые концы полотенец, лоскуты расшитых платов, повойников и пр.), отражавших специфику местной традиции.

Значение дифференциального показателя могут приобретать термины, используемые для обозначения приемов конструирования АФ и применяемых техник. Косой обметочный шов (наиболее ходовой при пошиве кукол) в Пинежском районе Архангельской области называют «детским стягом»¹⁹, в Бабушкинском районе Вологодской области – «Стежка по лежке. Крупно. Это я шагаю как»²⁰, в Череповецком – «косыми стежками», «через край»²¹, в Ухтинском районе Республики Коми (русские) – «на живую»²².

Во всех рассмотренных примерах фигурирует тряпичная кукла, которая соотносится с областью женских рукоделий и как родственное звено приобретает характерные признаки локальной традиции (как, например, костюм или техники кроя, шитья, вышивки).

Иная картина возникнет при анализе АФ или игрушек, сделанных из дерева мужскими руками (конструктивная основа). Технологии укажут на принадлежность мужским занятиям (деревообработка), а функциональность, и проявляющаяся в некоторых случаях внешние морфологические признаки (кукольная одежда) – женским (если речь о деревянных куклах, которыми играли девочки, осваивая предопределяемое гендерной ролью поведение).

Резная деревянная кукла – пример классического для традиционной культуры гендерного альянса, когда сочетание морфологических и функциональных признаков создает биплярный код вещи, например, утварь, орудия производства, сакральные предметы, созданные мужчинами для женских практик и женщинами для мужских – магические предметы (пастушеский отпуск, обереги), промысловые орудия (рыболовецкие сети)²³. Функциональность в системе культурной классификации предметов и становится маркером использующей ее группы (мужской, женской).

Перейдем к рассмотрению АФ, которые в процессе включения в ритуальные и повседневные практики приобретают устойчивый культурный код (информация кодируется в предмете, предназначенном для длительного использования, хранения). Такие предметы отличаются от «разовых» – создаваемых специально для ритуала и уничтожаемых по его завершении как, например, персонифицированные символы календарных обрядов – и становятся символическими знаками пространства.

При пошиве одежды куклы сельские мастерицы нередко ориентируются на существующую модель традиционного костюма. В 2008–2010 гг. удалось привезти с Поморского берега реконструкции трех детских игровых кукол-поморок. Их создательницы определяют отличительные черты кукольного наряда – шаль (у каждой куклы) и пояс черного цвета (2 куклы) – как ключевые для женского праздничного костюма¹⁹.

В домах участниц фольклорного ансамбля из села Сумский Посад (Поморский берег) на комод, полочке, столе или серванте занимает почетное место фабричная кукла в традиционном костюме. Наряды заказывают руководителю фольклорного коллектива – С.Б. Кирьяновой: «Светлана Борисовна у нас открыла, как сказать? «Фабрику производства» одежды поморской – и я сшила кукле. Красавица такая сидит – на память. Я уже ее никому не даю. Это кукла на память»²⁰.

В Сумском Посаде сложилось особое отношение к народному костюму. Сарафаны одевают в дни праздников и по особым случаям: «Я люблю просто пройтись по селу, постоять на мосту. Пусть молодежь смотрит, как это красиво»²¹. Облачение в праздничные одежды занимает не менее часа. Правильность фиксации каждой детали контролируется «знающими» – старшими участницами (З. Евшиной, Л. Зайковой). Здесь костюм – не сценический симулякр, скорее, знак принадлежности культурной традиции поморов. АФ становятся демаркационными символами культуры и используются в интегративных программах. Их дарят внукам, дочкам, уехавшим из родных мест. «Помню, Света Евшина покупала куклу – тысячу с чем-то [Платила. – Е.С.]. И вот, онашила [Для куклы костюм. – Е.С.] и подарила внучке, которая у Зинаиды Александровны. Кукла стоит, и сшить – платила двести рублей»²².

АФ маркируют границы культурного поля, обозначая ядро (фольклорная группа с. Сумский Посад) и периферию практик (точечное распространение по каналам родственных связей).

Жительница д. Пожарище Нюксенского района Вологодской области повязывает кукле платок, придерживаясь местных каноничных: «Также и обвяжешь, как меня, бабу»²³, «Старые бабушки рассказывали, что уфтюжанок за этим и замечали, что заломчик (верхний подгиб платка) на низ. Устьянки рассказывали: «У нас раньше уфтюжанки жили, так не наверх залом, а на низ»²⁴. Л.С. Лаврентьева относит способы завязывания платка к одному из признаков локальной культуры²⁵.

З. Евшина в праздничном костюме поморки
Республика Карелия, Беломорский район,
с. Сумский Посад. Фото автора, 2009

Обетный крест у Золотого ручья
Покшеньга. Архангельская обл., Пинежский район
Фото автора, 2011

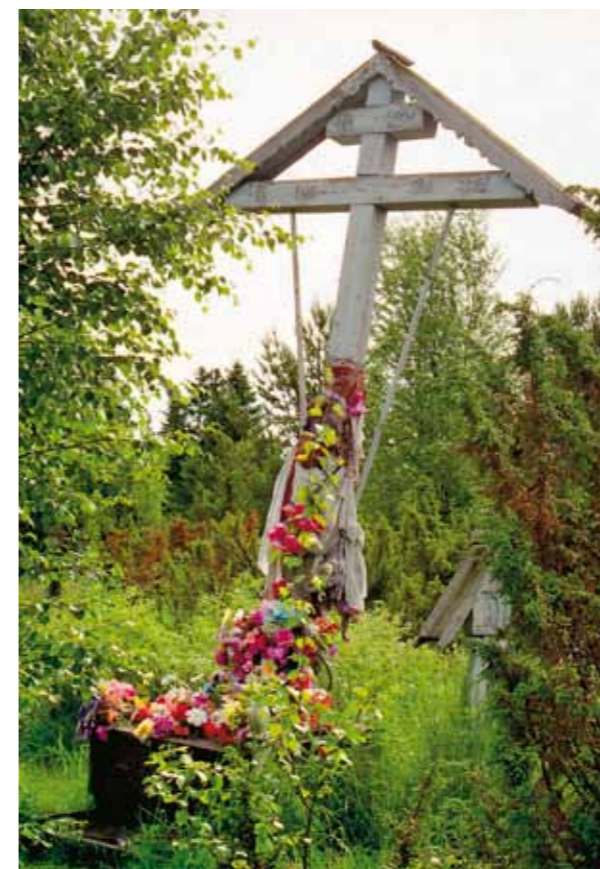

Кукла из одежды покойной (реконструкция О. Коншина)
Вологодская обл., Нюксенский район, д. Пожарище
Фото автора, 2009

Кукла Валя (З. Евшиной) в поморском костюме
Республика Карелия, Беломорский район,
с. Сумский Посад. Фото автора, 2009

Большой крест (поминально-обетный) на кладбище
Республика Карелия, Беломорский район,
с. Шуерецкое
Фото автора, 2008

АФ умершей (слева), муж - гармонист (справа)
Вологодская обл., Нюксенский район, д. Заборье
Фото автора, 2010

Одежда умершего на стене. Поминки, 9-й день
(реконструкция)
Вологодская обл., Бабаевский район, Пяжозеро
Фото автора, 2011

Функциональность. АФ – проекции коммеморативных практик
Живые (куклы в интерьере жилища).
Выше шла речь о куклах в традиционных костюмах, занимающих особое место в пространстве поморского дома. Не меньший интерес вызывают АФ серийного производства в фабричных одежках или в нарядах, сшитых из лоскутков. Как правило, это игровые куклы повзрослевших и покинувших родительский дом дочек/внучек. На деревянной этажерке рядом

с кроватью А.Е. Шутько вот уже около тридцати лет сидят две пластиковые куклы, когда-то забытые внучками: «Это Крестя, это Марина. Это внучки мои»³¹. С. Комарова отмечает, что на Русском Севере женщины изготавливали антропоморфных заместителей отсутствующих вплоть до второй половины XX в.³². Современные полевые материалы позволяют расширить временные границы рассматриваемого феномена³³.

Такие фигурки используют для восстановления звеньев в цепи разомкнутых родственных связей, они становятся пассивными участниками коммуникативных практик. Женщины разговаривают с детскими куклами дочерей, внуков: «Разговариваю. Я говорю: “Зинулька, Зинулька-та у меня, Зинулька! [держит куклу за руку]. Вот у тебя друг, Зина [показывает на сидящего рядом игрушечного лиса]»³⁴, шьют им наряды, расчесывают волосы, купают. В некоторых случаях куклы приобретаются в коммеморативных целях – для создания памятного предмета. В доме Л. Клементьевой более двадцати лет на вершине серванта восседает фабричная кукла: «Я Гальке на свадьбу такую купила и себе. А себе – для красоты. <...> И сейчас эти маленькые [Внучки. – Е.С.], опять, я им не даю в руки. Так, чтобы поиграть. А на все время – я не даю. Потом память вам будет бабушкина»³⁵. Интерьерные куклы становятся знаками памяти об отсутствующих людях или событиях (сувениры путешествующих, подарки, призы). И.А. Морозов, И.А. Разумова включают их в число домашних реликвий³⁶.

Место в интерьере соответствует статусу АФ, который определяется отношением владельца к символическому заместителю: куклы близких занимают почетные – видные места, «случайные» куклы перемещаются «на задворки». «Почему эта кукла двадцать лет сидит у меня на третьем этаже за сервизом? На задворках в изгнание живет? Двадцать лет она у меня живет за сервизом. Живет, сидит. Ну, мы же, правда, теперь с Валентином никаких общений. <...> Она не заслуживает внимания, мне не хотелось эту куклу делать домашней»³⁷.

В рассмотренных примерах АФ служат заместителями отсутствующих живых. Аналогичные логические схемы используются в практиках памяти об умерших.

Мертвые (АФ в пространстве жилища и на сопредельной территории).

В Нюксенском районе до 1930-х – 1940-х гг. фиксировались случаи изготовления в память об умершем куклы или ростовой АФ³⁸. Ключевое значение приобретает одежда умерших, способствуя установлению метонимической

связи между предметом и покойным³⁹. Знакомые родственникам предметы одежды умерших становятся знаками памяти: «Настасья-то умерла, надо из одёжи куклу сделать»⁴⁰. «Сделайте, – говорит, – чучело. Сделайте, в горницу и поставьте. Вот из её одёжи. И её одёжу-то нарежьте, и пускай она стоит»⁴¹.

До 1937 года у дома Степачевых в д. Екимово (Чаронда)⁴² стояла деревянная резная скульптура «дедо Саша», сделанная в память об умершем родственнике⁴³. АФ была одета в одежды покойного.

Тот же образующий принцип прослеживается в современных практиках. В Нюксенском и Вытегорском районах женщины могли размещать одежду покойных на огородном пугале: «Была у нас Настасья Александровна. Она ходила, обмывала покойников. И вот, у нас – у тетки Афанасьи дочь отравилась. И вот, она эту нарядку, которую сняли, она говорит: “Я хоть увезу да хоть на чучело повешу”. Да, вот, она на чучело и вешалась у нее, лягалась вся, пока и не сотлела»⁴⁴.

В 2010 году восьмидесятилетний житель д. Заборье, тоскуя по недавно умершей жене, делает ее заместителя: «я одел ее платье, курточку одел. Это я зимой делал – по-зимнему [Одета. – Е.С.] по этому. <...> – Я там набил тряпок тамока, штаны ватные. Штаны новые я одел. Валенки. Так она у меня и ходила. И летом все в валенках ходила – болела она»⁴⁵. Одежда позволяет придать набивной конструкции необходимые пропорции, и АФ приобретает черты сходства с покойной: соседи пугались, увидев «Валю», дочь плакала – «Посмотрю – мама»⁴⁶.

Трансформация практик приводит к ремиссии формы: в память об умершем могут хранить его одежду, не прибегая к созданию антропоморфных конструкций. Уже в конце XIX в. при изучении культурных традиций иртышских остяков С.К. Патканов отмечал случаи замещения куклы подушкой или нательным бельем покойного⁴⁷, что подтверждается полевыми материалами, собранными в Вологодской области в 2009–2011 гг.

В Нюксенском и Никольском районах нижнее белье покойного помещается под застрехой «шчо с покойного снимут, дак под застреху. Всё вот так, под застрехой там и есть. Да, с каждого [Умершего в этом доме. – Е.С.] туда и запихивают»⁴⁸. Различия локальных практик прочитываются через функциональность предмета: в Нюксенском районе одежда покойного не только знак памяти, но и апотропеическое средство – «шчтобы ветром не унесло [Крышу. – Е.С.]»⁴⁹, в Никольском – одежда умершего родственника считалась залогом семейного благо-

получия и достатка⁵⁰. В Бабаевском районе одежда умершего размещается неподалеку от божницы на стене в дни ритуального поминовения (9-й, 40-й дни, годовщина)⁵¹.

Наряду с одеждой в качестве персонификационного кода используется имя умершего. Примером могут служить резные деревянные фигурки «дедо Саша»⁵² (о нем упоминалось выше) и «тети Ани»⁵³ из коллекции Череповецкого музейного объединения. Жительница поморского селения З.А. Евшина хранит куклу в память об умершей тете: «Это [Кукла. – Е.С.] Валя, потому что у меня была тетя Валя – тетушка, которая умерла потом. И в честь ее я дала имя Валентина»⁵⁴.

Не менее интересны примеры с табуированием имени умершего, согласующиеся с представлениями о возможности перехода смертного начала от покойника к говорящему⁵⁵. Фигурки, хранимые в память об умерших, могут оставаться безымянными: упоминаемая ранее кукла из д. Кокшенская (Нюксенский район), покупная кукла из Мышкинского района Ярославской области – «У меня сестра старшая померла лет 13 назад, Маня. Я тосковала – вместе жили. И вот как-то пошла на почту, а туда игрушки привезли. Облюбовала я эту куклу, купила и, думаю, пусть живет вместо сестры. Имя ей не давала, думаю, пусть на память живет. Маня-то так девушкой и померла, она как мать мне была. Теперь как посмотрю на куклу и вспомню сестру то. Так и живет у меня вместо Мани»⁵⁶.

Существование семиотически полярных практик при персонификации АФ умерших позволяет провести параллели с взаимоисключающими предписаниями при наречении ребенку имени покойного⁵⁷, т.е. между именем умершего и АФ используется та же модель соотношений, что и в связке между именем покойного и именем ребенка.

В рассмотренных выше случаях АФ становятся предметными маркерами порождающих их ритуалов, включаются в пространство дома или располагаются на прилегающих территориях. Локализация, предписываемые роли, морфология антропоморфных предметов указывают на принадлежность миру образов женской культуры⁵⁸.

Основным средоточием антропоморфной символики становится жилище (игровые, мемориальные куклы). Кукла становится предметом, связывающим девочку с пространством дома. Хрупкость/дороговизна АФ, запреты на уличные игры с куклой (исключение составляли старые игрушки, с которыми можно было играть в стоящих поблизости детских домиках или специально отведенных для этих целей уголках)

служили естественными ограничителями, предопределявшими направленность игровых практик. Игры с куклами способствовали приобретению навыков, необходимых будущим хозяйкам, т.е. использовались для формирования качеств и навыков, предписываемых гендерной ролью⁵⁹.

Еще одним подтверждением устойчивой гендерной соотнесенности женских АФ может служить их использование для клеймения мужских неудач: в восточных районах Вологодской области куклу бросали на телегу отстающему с вывозом навоза на поля⁶⁰, в Череповцеком, соломенная кукла появлялась у дома неудачно посватавшегося парня⁶¹.

Формат статьи не позволяет подробно остановиться на женских практиках (с использованием АФ), совершаемых вне дома. Коснусь лишь ключевых моментов, позволяющих рассматривать обетные кресты в качестве антропоморфных маркеров. Т.Б. Щепанская отмечает связь обетных практик с регуляциями в сфере воспроизводства или в бытовых нуждах (сферы женского контроля)⁶². Обетные приношения (полотенца, одежда, пелены) – предметные производные женских рукоделий⁶³. «Одежками» укутывали кресты, стоящие у домов и неподалеку от селений, что придавало им антропоморфный облик.

«Одетость» и «раздетость» крестов становится отличительным признаком в культурной традиции поморов, определяющим границы мужского и женского пространства: «[На побережье и морских островах кресты. – Е.С.] голые. С пеленами – только когда народ ходит. А тут, ты рыбак, ты приехал, ты подошел к кресту, перекрестился, ну, может быть, ты какую-то молитву сотворил»⁶⁴. Обеты у «мужских» крестов указывают на связь с морскими промыслами. На острове Избная Луда участниками экспедиции был зафиксирован столб поморского креста. К нему «прибит хвост семги; рядом лежит перекадина (средняя) с криптограммой»⁶⁵.

Еще одним подтверждением, позволяющим отнести деревенские святыни к области подконтрольной женщинам, может служить сезонный характер практик. На Карельском и Поморском берегах Белого моря период, отмечавшийся повышенной ритуализацией, совпадал с временем промыслового сезона: мужское население⁶⁶ покидало селения и женщины, оставаясь на берегу, совершали ритуальные моления у сакральных объектов. В зимний период времени (на промыслы уходили в марте, а возвращались в ноябре) кресты, занесенные снегом, оказывались вне досягаемости.

Святые места включаются в систему культурных практик и соотносятся с определенной территорией⁶⁷, «сферы влияния святых мест некоторым образом накладываются на границы локальных групп»⁶⁸ и в некоторых случаях могут рассматриваться как демаркационные знаки гендерного поля.

Пространственные перемещения ритуальных объектов, обладающих морфологическим родством (сходство конструктивных признаков), за границы области приводит к передаче контролирующей функции. Объект включается в контекст культурных практик и осваивается группой. Фиксируются случаи перемещения крестов с морского побережья в селения и на кладбища⁶⁹ (промысловый мужской → деревенский, могильный, женский).

Функциональность и ритуальный контекст определяют статус АФ, принадлежность социальной (локальной) группе и указывают на гендерную категоризацию.

Изменение границ социального поля не всегда связывается с передислокацией и имеет «территориальные отпечатки»: памятный крест, установленный на месте сгоревших храмов в с. Шуерецком (Поморский берег), органично вписался в традицию местных практик почитания – в Троицу к нему приносят цветы, конфеты, выпечку пожилые женщины, которым сложно добраться до Большого (поминально-обетного) креста⁷⁰ на кладбище (за пределы селения). Отсутствие контроля со стороны церкви⁷¹ приводит к освоению святыни в канонах локальной традиции.

Примером социальных инверсий могут быть случаи установления церковного контроля над деревенской святыней: Пещёрка у д. Трутнево (Псковская обл.)⁷², обетные кресты на Святой горе и на берегу Уккозера (Поморский берег, неподалеку от с. Нюхча)⁷³. Отсутствие обетных приношений на крестах, перемещение предметов на природные объекты (камни, близстоящие деревья) свидетельствуют о трансформации практик: «Батюшка запретил у нас это дело. Раньше люди носили и платки, и рукавички, и носочки»⁷⁴. В последнем случае смена институциональной власти непроизвольно приводит к подвижке границ зон гендерного контроля (священник – априори мужчина).

В статье удалось наметить некоторые подходы, которые позволяют выделить из множества антропоморфных предметов те, что приобретают символическое значение и прочитываются в текстах, рождаемых женской культурой. Поиск антропоморфных маркеров женских практик может быть продолжен. Представленные мате-

риалы позволяют расширить представления о природе социального поля и факторах, оказывающих влияние на формирование его границ. Так, К. Левин (исследования в области социальной психологии), исходя из общей теории поля, определяет зависимость поведения человека от «результатирующей силы», воздействующей на человека во время его нахождения в пределах социального пространства этого поля⁷⁵. При описании поля ученый использует математические конструкты, теоремы⁷⁶, физические характеристики (напряжение) и свойства (текучесть) поля⁷⁷.

В. Ильин связывает категорию социального поля с практиками потребления, отмечает особую атмосферу – зону повышенного взаимодействия и как следствие – «силовой характер по отношению к попавшим туда индивидам»⁷⁸. По мнению исследователя, «[г]раницы поля – это участки пониженного (иногда до минимума) социального взаимодействия, зоны отчуждения»⁷⁹, что находит подтверждение и в наших материалах.

Однако, пример с куклами, одетыми в традиционный костюм поморок (Сумский Посад), лишь частично укладывается в логику потребительского поля. Своеобразным индикатором становится двойной принцип трансляции культурных кодов. В с. Сумский Посад и прилегающей округе знаковые куклы распространялись в кругах, объединенных совместными культурными практиками и ориентированных на потребление и сохранение традиций поморов (участники фольклорного коллектива составили ядро группы). Когда же АФ перемещались за пределы территории поморских поселений – в Петрозаводск, Москву, Петербург и т.д., передача культурных кодов велась по каналам родственных связей. Графической проекцией могло бы быть изображение области (тела) множественных соединений, хаотично разбросанных за ее пределами точек (рис. 1).

Возникновение точечной периферии связано механизмами передачи традиции: в условиях нормы векторы передачи направлены внутрь – «сохранность этнической группы зависит от устойчивости ее границы»⁸⁰, «[п]ограниченный столб социального поля можно представить в виде знака, указывающего вовнутрь»⁸¹; в условиях кризиса (стареющая – вымирающая группа) вектор передачи ориентирован (вопреки утвержденным схемам) вовне (за пределы границы). Периферийные позиции – как следствие репродуктивной деятельности и возможность конструирования нового социокультурного поля, например, надуровневого – с сетевой орга-

низацией связи: участники групп (vkontakte.ru), «Сумский Посад, Лапино, Хвойный» (443 чел./гр., 2000 чел./село), «Нас связала и познакомила Колежда» (279 чел.), «Нюхча на Белом море» (393 чел./гр., 400 чел./село) обмениваются впечатлениями, фото, видео.

В процессе преобразования возникает новая структура, ориентированная на сохранение культурных ценностей, с отличной (от материнской) системой связи. Трансформация локального поля в надлокальное (надуровневое, с отличным типом организации) имеет некоторое сходство с фазовыми переходами физического тела

Уходим в Космос? Поиск общих закономерностей, согласно методологической концепции теории систем, позволяет отметить тождественность структурных связей в социальных группах и веществах. В аморфных телах, к которым можно отнести вязкую жидкость, молекулы расположены согласованно на расстоянии, сравнимом с их размерами – ближний порядок связи, дальний отсутствует (ср. с локальной группой). При газообразном состоянии вещества кинетическая энергия теплового движения частиц превышает потенциальную (связи между молекулами слабые, что дает возможность для построений дальнего порядка) – достигается свобода передвижения, и они равномерно заполняют весь предоставленный им объем (социальные группы, использующие продукты современных систем коммуникации). Развернутое пространство локуса (газ от др.-греч. *χαος*, *chaos*, от корня «cha-» в значении «зеваю», «разеваю», *χαίνω* – «раскрываться, разверзаться», «пустое протяжение»)⁸² как метафора социального поля. Социальное пространство обретает многомерность и подобно Вселенной (основной строительный материал Вселенной – ионизированный газ) находится в состоянии расширения. Хаос как континуум, как единство созидющего и разрушающего начала⁸³.

Отсюда и разнородные свойства структуры и границ социальных групп с локальной организацией (ближний порядок связей) и групп, участники которых «рассеяны» на обширной территории (дальний порядок связей). Можно определить условную статичность первых, обусловленную вялотекущими процессами территориальных преобразований, и гибкость, подвижность вторых, определяемых возможностями мобильных перемещений участников социальных групп, не имеющих четко выраженной территориальной организации (устремленной в бесконечность).

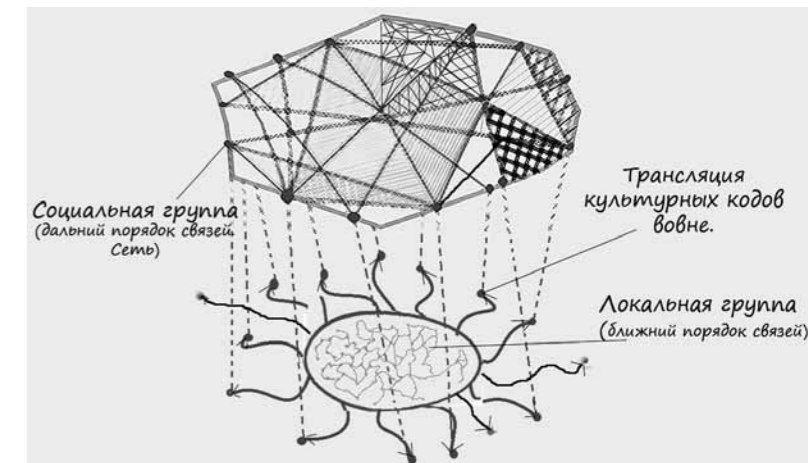

Рис. 1. Порядковые связи в социальных группах

Построение новой матрицы социальных отношений базируется на измененной системе связей. Путь от локальных сельских групп к сетевому сообществу можно рассматривать как движение от стабильности к нестабильности, от упорядоченности к хаосу⁸⁴.

В процессе работы над статьей, казалось бы, не имеющей прямого отношения к методологии полевого исследования и последующей обработке данных, появились вопросы, связанные с использованием качественных методов на этапе сбора первичной информации о социальных структурах нового типа. Изучая культуру локальных сельских групп, проживающих на небольших территориях, мы могли наблюдать за жизнью людей в будни и в праздники. Но, исследуя сетевые группы, мы не имеем возможности для наблюдения за изучаемым объектом и оказываемся лишенными важного методологического инструментария. По этой же причине невозможна верификация данных при сопоставлении репрезентируемых текстов (интервью или интернет-контент) с результатами данных наблюдений. Сохраняется возможность проведения интервью. Но каким образом будет обеспечиваться верификация данных?

В естественных науках при изучении физических тел с разной организацией молекулярных связей исследователи используют различные методы и подходы. Какие альтернативы при смене порядковых связей в структуре и коммуникации человеческого сообщества сможет предложить антропология?

¹ Геннеп ван А. Обряды перехода. – М., 2002. – С. 19–28; Тернер В. Символ и ритуал. – М., 1983. – С. 168, 169, 231–236; Байбурун А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. – СПб., 1993. – С. 186–188.

² Барт Ф. Введение // Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий: Сб. ст. / Под ред. Ф. Барта. – М., 2006 – С. 10, 16; Русский Север: К проблеме локальных групп: Сб. науч. стат. / Ред. Т.А. Бернштам. – СПб., 1995; Культурный ландшафт Русского Севера: Пинежье, Поморье // Семинар «Культурный ландшафт». 1-й темат. вып. докладов / В.Н. Калуцков, А.А. Иванова, Ю.А. Давыдова, Л.В. Фадеева, Е.А. Родионов. – М., 1998.

³ Виноградова Л.Н. Граница как особая пространственная категория в народной культуре // Культура и пространство. Славянский мир: Сб. науч. стат. / Отв. ред. И.И. Свирида. – М., 2004. – С. 19–27.

⁴ Бернштам Т.А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в. – Л., 1988. – С. 3–121.

⁵ Полесье и этногенез славян. Предварительные материалы и тезисы конференции. – М., 1983. – С. 31–43.

⁶ Фишман О.М. Жизнь по вере. Тихвинские карелы-старообрядцы. – М., 2003. – С. 112–167.

⁷ Левкиевская Е.Е. Членение исторического времени в устной культуре восточных славян XX в. // Знаки времени в славянской культуре. От барокко до авангарда. Сб. науч. статей. / Отв. ред. Л.А. Софронова, А.В. Семенова. – М., 2009. – С. 158–180.

⁸ Бурдые П. Практический смысл. – СПб., 2001. – С. 538, 539.

⁹ Щепанская Т.Б. Сравнительная этнография профессий: повседневные практики и культурные коды. Россия конец XX – начало XXI в. – СПб., 2010. – С. 153–155.

¹⁰ Я использую термин, предложенный французским социологом П. Бурдые (Бурдые П. Социология социального пространства. – М., 2007. – С. 16.). Ограничение поиска значений областью социального поля, может рассматриваться как уход от методик классического ареального исследования (относительность территориальных границ, которым по причине подвижности территориальных границ и миграционных процессов не удается избежать некоторой гипотетичности. К.В. Чистов, Т.А. Бернштам и многие др. отмечают несовпадение границ ареалов культурных элементов и комплексов и границ расселения локальных групп (Чистов К.В. К истории советской этнографии 30-х – 80-х годов XX в. // Чистов К.В. Народные традиции и фольклор. Очерки теории. – Л., 1986. – С. 267; Бернштам Т.А. Введение // Русский Север... – С. 5). Об изменении объекта исследования в современной антропологии/этнографии см.: Тишков В.А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. – М., 2003. – С. 41–43, 289–293.

¹¹ Антропоморфные предметы (далее – АП); АФ – антропоморфные фигуры (далее – АФ).

¹² Полевые материалы автора (далее – ПМА), хранятся в архиве Фольклорно-этнографического центра им. А.М. Мехнецова Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н.А. Римского-Корсакова (звук, видео, краткие описания; далее – АФЭЦ) и личном архиве автора (звук, видео, расшифровки материалов).

¹³ Бурдые П. Практический смысл... – С. 457; Барт Р. Этнические группы... – С. 17, 18;

¹⁴ Комарова С. Кукольные мужички в собрании РЭМ. Гендер в предметно-символических формах культуры // Мужской сборник. «Мужское» в традиционном и современном обществе. Константы маскулинности. Диалектика пола. Инкарнация «мужского». Мужской фольклор / Сост. И.А. Морозов, отв. ред. Д.В. Громов, Н.Л. Пушкарева. – М., 2004. – Вып. 2. – С. 152, 153; Комарова С., Катушкин М. Кукольные люди. – СПб., 1999; Морозов И.А. Феномен куклы в традиционной и современной культуре. Кросскультурное исследование идеологии антропоморфизма. – М., 2011. – С. 29–44; Найден О.С. Українська народна лялька. – Київ, 2007. – С. 143–187; Дайн Г.Л., Дайн М.Б. Русская тряпичная кукла. Культура, традиции, технология. – М., 2007. – С. 12–15.

¹⁵ В Кадуйском районе Вологодской области (с. Никольское) и Олонецком районе Республики Карелии (с. Михайловское): ПМА, расш., экспедиции в Вологодскую обл., и Республику Карелию 2009–2010 гг.

¹⁶ ПМА, расш., инф.: Н. Барина, ок. 60 л., Костромская обл, г. Шарья, запись в СПб., 2011.

¹⁷ Там же.

¹⁸ ПМА, инф.: А.И. Яблокова, 1927 г.р., Вологодская обл., Кадуйский р-н, зап.: Т. Щепанская, Е. Самойлова, 2009.

¹⁹ В XX в. на Карельском и Поморском берегах Белого моря праздничный комплекс женской одежды был представлен рубахой из белой хлопчатобумажной ткани, шелковым сарафаном «прямого» кроя, который непременно подпоясывался по талии широким «ремнем» черного цвета (встречаются прорезиненные, бархатные, кожаные пояса), «карта» (повойник, донце которого украшено золотным шитьем), которая закреплялась особым образом повязанной косынкой из шелка. На плечи накидывалась светлая шелковая шаль с кистями (Яскеляйнен Е.И. Народный костюм русских Кемского Поморья XIX – первой половины XX в. в коллекции музея «Кижь» // Кижский вестник. – № 8. – Петрозаводск, 2003. Электронный ресурс: <http://kizhi.karelia.ru>). Режим доступа: 01.07.2013.

²⁰ ПМА, расш., инф.: З. Евшина, ок. 80 л., 2008.

²¹ ПМА, расш., инф.: Л. Зайкова, ок. 75 л., 2009.

²² ПМА, расш., инф.: В. Егорова, ок. 65 л., 2009.

²³ ПМА, расш., инф.: Л. Клементьева, 2010.

²⁴ ПМА, расш., инф.: О. Коншин, Вологодская обл., Нюксенский район, д. Пожарище, 2010.

²⁵ Лаврентьева Л.С. О платке // Женщина и вещественный мир культуры у народов России и Европы. Сб. музея антропологии и этнографии. – Т. LVII / Отв. ред. Т.А. Бернштам. – СПб., 1999. – С. 39.

²⁶ ПМА, расш., инф.: М. Туголукова, 1949 г.р., д. Лохново, 2011.

²⁷ ПМА, расш., инф.: О. Лужинская, 1941 г.р. д. Плешкино, 2008.

²⁸ ПМА, расш., инф.: Л. Пархомова, ок. 60 л., с. Воскресенское, запись в СПб., 2013.

²⁹ ПМА, расш., инф.: ж. ок. 60 л., родом из пос. Нагорный, Ухтинского района, запись в СПб., 2013.

³⁰ Подобным образом культура осваивает предметы массового производства. Например, фабричная кукла, включаемая в традиционные практики, покупная игрушечная сабля, используемая в современном свадебном обряде с. Крячковка, Пирятинского района Полтавской области и пр.

³¹ ПМА, АФЭЦ ОАФ: 0712, инф.: А. Шутько, 1918 г.р., Республика Карелия, Беломорский район, с. Шуерецкое, 2008.

³² Комарова С., Катушкин М. Кукольные люди. – С. 18.

³³ Морозов И.А. Феномен куклы... – С. 140–143.; ПМА, собранные в Костромской, Вологодской, Архангельской областях в 2008–2012 гг.

³⁴ ПМА, расш., инф.: Павлова М.В., ок. 75 л. Вологодская обл., Никольский район, Теребаевское с/п, 2010.

³⁵ ПМА, АФЭЦ ОВФ: 1708, расш., ЛА. инф.: Л.Н. Клементьева, ок. 75 л. Вологодская обл., Нюксенский район, д. Пожарище. Запись: Е. Самойлова, О. Коншин, 2010.

³⁶ Морозов И.А. Феномен куклы... С. 147; Разумова 2001, – С. 169.

³⁷ ПМА, расш., инф.: ж. ок. 45 л., Санкт-Петербург, 2013.

³⁸ АФ, сохраняемые в память об умерших, подробно рассматриваются в статьях: Самойлова Е.В. Антропоморфные фигуры в контексте похоронно-поминальной обрядности северо-русской деревни // Фольклор и этнография: К девяностолетию со дня рождения К.В. Чистова: Сб. науч. статей / Отв. ред. А.К. Байбурун, Т.Б. Щепанская. – СПб., 2011. – С. 251–268; Реконструкция «знаков памяти» в периоды социальных трансформаций (на примере практик поминовения умерших в сельской традиции Русского Севера) СИ РАН.

³⁹ Любая деталь одежды может использоваться в качестве метонимического знака функции или ритуала (Лич Э. Культура и коммуникация. Логика взаимосвязи символов. – М., 2001. – С. 68).

⁴⁰ ПМА, АФЭЦ ОАФ: 0577, инф.: О. Коншин. Вологодская обл., Нюксенский район, д. Пожарище, 2009 г.

⁴¹ Архив Вологодского государственного педагогического университета: 2432-05, Вологодская область, Нюксенский район, д. Кокшенская, 1996.

⁴² В настоящее время деревни не существует (Кирилловский район, Чарозерское с/п).

⁴³ Резное изображение «дедо Шаши» хранится в фондах Череповецкого музейного объединения (ЧерМО). С.К. Супинский связывал фигурку «дедо Шаши» с памятью деда Ивана Петровича, которого звали Александром. (Супинский А.К. Локальные особенности пережитков культа предков у северо-русских Вологодской области // Дело № 82 на 54 листах. – Череповец, 1967. – С. 30).

⁴⁴ ПМА, АФЭЦ ОАФ: 0157, инф.: О. Коншин, Вологодская обл., Нюксенский район, д. Пожарище, 2010; ПМА, инф.: Ямков В.Ф., Вытегорский район, Андомское с/п, д. Трошигино, запись: Т. Щепанская, Е. Самойлова, 2011.

⁴⁵ ПМА, АФЭЦ ОВФ: 1759, инф.: Уланов С.С., Вологодская обл., Нюксенский район, д. Заборье, 2010.

⁴⁶ ПМА, АФЭЦ ОАФ: 0157, инф.: О.Н. Коншин, 2009.

⁴⁷ Патканов С.К. Иртышские остяки. – СПб., 1897. – С. 146.

⁴⁸ АФЭЦ ОАФ: 0577: Вологодская область, Нюксенский район, д. Пожарище, 2009.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ ПМА, Вологодская обл., Никольский район, Пермасское с/п, 2010, г. Никольск, 2010.

⁵¹ ПМА, инф.: М.С. Тришкина, 1927 г.р., В.Н. Тришкин, 1953 г.р., д. Красная гора, Пяозеро, запись Е. Самойлова, А. Кулев, С. Кулева, 2011

⁵² ЧерМО. №1192/12.

⁵³ До 1934 г. фигурка «тети Ани» (в покойницких одеждах) хранилась на «потолке», т.е. чердаке» (Супинский А.К. Локальные особенности... – С. 32). В 1937 г. поступила в ЧерМО (№ 1179/3).

⁵⁴ ПМА, АФЭЦ ОВФ, 1502, Республика Карелия, Беломорский район, с. Сумский Посад, 2009.

⁵⁵ Зеленин Д.К. Табу слов у народов восточной Европы и северной Азии // Сборник музея антропологии и этнографии [Научные статьи] / Ред. Е.Ф. Карский. – Л., 1930. – Т. IX. – С. 144.

⁵⁶ Дайн Г.Л. Куклы бабушки Нюры. Из очерка «Мышкины потешки» // Кацкая летопись. – № 11–12. – 1995. – С. 3.

⁵⁷ Зеленин Д.К. Табу слов... – С. 144.

⁵⁸ Мужское участие в создании АФ не вносит противоречия: сделанные мужчиной предметы осваиваются в женских практиках и приобретают статус женских (внимание на этом акцентировалось ранее).

⁵⁹ Калверт К. Дети в доме: материальная культура раннего детства. 1600–1900. – М., 2009. – С. 161–164.

⁶⁰ Морозов И.А., Слепцова И.С. Круг игры: Праздник и игра в жизни северо-русского крестьянина. – М., 2004. – С. 340.

⁶¹ Морозов И.А. Феномен куклы... – С. 128.

⁶² Щепанская Т.Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции конца XIX – начала XX в. – М., 2003. С. 295, 296.

⁶³ Конечно, домотканое полотно – редкость, в настоящее время приносят ткани и предметы одежды фабричного производства.

⁶⁴ ПМА АФЭЦ, ОАФ: 0481, инф.: Ф.И. Козлова, 1938 г.р., Поморский берег, с. Нюхча, 2010.

⁶⁵ Циркунов И.Б. Поморские кресты // Наука и бизнес на Мурмане. Научно-практический журнал. – Мурманск, 1997. – № 2. – С. 38.

⁶⁶ В промысловой деятельности участвовали не только взрослые мужчины, но также и молодежь, подростки (зуйками брали мальчиков, достигших 7–10 летнего возраста). А если учесть, что в среднем продолжительность жизни мужчины помора не превышает 40–50 лет, то становится очевидным, что селение покидало все мужское население. Исключение составляли лица, исключенные из сферы материального производства – старики (если таковые были), дети, больные.

⁶⁷ Культурный ландшафт Русского Севера: Пинежье, Поморье // Семинар «Культурный ландшафт». 1-й темат. вып. докладов / В.Н. Калуцков, А.А. Иванова, Ю.А. Давыдова, Л.В. Фадеева, Е.А. Родионов. – М., 1998. – С. 91, 95; Щепанская Т.Б. Кризисная сеть (традиция духовного освоения пространства) // Русский Север. К проблеме локальных групп. – СПб., 1995. – С. 112.

⁶⁸ Щепанская Т.Б. Кризисная сеть... – С. 112.

⁶⁹ Овсянников О.В., Чукова Т.А. Северные деревянные кресты. К вопросу о типологии // Язычество восточных славян. – Л., 1994. – С. 60–76; Гемп К.П. Выдающийся памятник истории поморского мореплавания XVIII столетия. – Л., 1980. – С. 15.

⁷⁰ Бифункциональность поморских крестов отмечает Т.А. Бернштам, выделяя поминально-обетные кресты (на фото – крест у семужьей избушки), см.: Бернштам Т.А. Народная культура Поморья. – М., 2009. – С. 45. Функциональные переходы – поминальный и обетный – отмечают авторы сб. Культурный ландшафт Русского Севера... – С. 91.

⁷¹ В селе нет церкви, и священник бывает крайне редко.

⁷² Кормина Ж.В. Религиозность русской провинции: к вопросу функции сельских святынь // Сны Богородицы. Исследования по религии. – СПб., 2006. – С. 147.

⁷³ Самойлова Е.В. Группы обетных крестов Белого моря: прогностические и темпоральные аспекты обрядовых практик в с. Шуерцкое Беломорского района Республики Карелия // Традиционная культура – 1997 – №2 – С. 23–37.

⁷⁴ ПМА, АФЭЦ ОАФ: 0401. Республика Карелия, Беломорский район, с. Нюхча, инф.: Попова А.И., 1940 г.р., 2010.

⁷⁵ Леви К. Теория поля в социальных науках. – СПб., 2000. – С. 39.

⁷⁶ Там же. – С. 42.

⁷⁷ Там же. – С. 32.

⁷⁸ Ильин В.И. Потребление в социокультурном поле // Хрестоматия к курсу лекций «Социология потребления».

Дистанционный курс. Электронный ресурс: <http://www.consumers.narod.ru>. Режим доступа: 09.07.2013.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Барт Р. Введение // Этнические группы... – С. 16.

⁸¹ Ильин В.И. Потребление в социокультурном поле...

⁸² Лосев А.Ф. Хаос // Мифы народов мира: Энциклопедия в 2-х т. / Гл. ред. С.А. Токарев. – М., 1992. – Т. 2. – С. 579.

⁸³ Там же. – С. 581.

⁸⁴ Samoylova E. Way from Stability to Chaos? A Traditional Doll in the Context of Transformations of Modern Society: from a Rural Community to a Megalopolis Area // Incoherence Disorder, Normativity, Anthropology. American Ethnological Society. Spring meeting, March 31 – April 2, 2016. Washington, D.C. / Abstract Long Exposure. Washington, 2016. – Pp. 55, 56.

Китайское влияние на традиционную культуру бурят

МАРИНА ВЛАДИСЛАВОВНА ФЕДОРОВА

Российский этнографический музей, Санкт-Петербург

Ведущий научный сотрудник Отдела этнографии народов Сибири и Дальнего Востока

e-mail: fedorovarme@mail.ru

В статье рассматривается роль Байкальского региона в российско-китайских политических и торгово-экономических отношениях конца XVII – начала XX в., исследуются этнокультурные контакты бурят с соседними народами. Автор изучает китайское влияние на различные сферы жизни бурятского этноса, выявляет роль и степень его воздействия на бурятский костюм, украшения, орнаментику, ремесленные традиции, обряды жизненного цикла, буддизм и шаманскую практику. В качестве основных источников использованы вещевые и фотоколлекции Российского этнографического музея, Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Государственного музея Востока, Музея истории Бурятии им. М.Н. Хангалова, научные публикации, полевые материалы автора.

Ключевые слова: этнокультурные контакты, торгово-экономические отношения, китайское влияние, костюм, орнамент, обряды.

UDC 391/392+327(581:512.31)+069.5

Chinese Influence on the Traditional Culture of the Buryats

MARINA V. FEODOROVA

Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg

Leading Researcher of the Department of Ethnography of the Peoples of Siberia and the Far East

e-mail: fedorovarme@mail.ru

The article considers the role of the Baikal region in the Russian-Chinese political and trade & economic relations in the late XVII – early XX century, and investigates Buryat ethno-cultural contacts with neighboring peoples. The author explores the Chinese influence on various spheres of life of the Buryat ethnos, reveals the role and degree of its impact on the Buryat costume, jewelry, ornamentation, handicraft traditions, life cycle rituals, Buddhism and shamanic practice. As the main sources, the author has used the object and photographic collections of the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences (Kunstkamera), The State Museum of Oriental Art, the M.N. Khangalov Museum of History of Buryatia, scientific publications, as well as her own field materials.

Keywords: ethno-cultural contacts, trade-economic relations, Chinese influence, costume, ornament, rituals.

Этническая история и культура бурят – монголоязычного народа, населяющего Байкальский регион, складывались под воздействием цивилизаций Центральной и Восточной Азии с одной стороны, и Российской империи – с другой. В процессе взаимовлияния культур и формирования этнических традиций важнейшее значение имели межэтнические коммуникации, в частности, обменные и торговые, при которых определяющую роль играл геополитический фактор.

Прилегающие к Байкалу земли и населяющие их народы в силу своего географического положения издавна являлись объектом внимания соседних стран – Монголии, России и Китая, влияние которых на культуру региона на разных исторических этапах было неравнозначным. В истории формирования бурятского этноса выделяются две основные вехи: эпоха развитого средневековья, при которой основополагающую роль в судьбах населения Евразии играли мон-